

Руси волшебная палитра

*Константин Васильев
1942 — 1976*

Он терпеть не мог слово «вдохновение», просто не знал, что это такое, потому что вся жизнь его была напоена вдохновением. Это было его «привычное состояние».

Нередко люди, прежде не интересовавшиеся живописью, увидев картины Константина Васильева, испытывают состояние катарсиса – высочайшего духовного потрясения – и не могут сдержать восторга, а порой и слез.

Несколько энтузиастов, потрясенных однажды картинами Константина Васильева на свой страх и риск выставляли его произведения в случайных, малоприспособленных для этих целей помещениях. Не было никакой рекламы и афиш, а просто открывалась выставка. Проходил день, другой, и зрители, случайно попав на нее, тут же сообщали о своем нечаянном открытии друзьям. Те, в свою очередь спешили поделиться впечатлениями еще с кем-то и росла молва об удивительном художнике.

Мнения зрителей сразу же полярно разделились: большинство восторгалось им, другие же активно не принимали. Но, безразличных не было. Неприятели творчества художника запускали в оборот выражения: «слащавость», «красивость», «искусство для толпы». Поклонники же наслаждались красотой, поражались философской глубиной картин, пониманием художником души народной.

- 1) «Выставка – это необыкновенная сказка наяву. Нет сил оторваться от картин. Это наслаждение великим.»
- 2) «Пусть я ошибаюсь, но не могу сравнить эти картины даже с нашими известными классиками живописи. Это совсем другое, но очень родное, близкое и в то же время непостижимо высокое...»
- 3) «Как велика сила искусства. Действительно! Посмотрел и умереть не жалко. Просто нет слов, это, наверное самое сильное впечатление от искусства на всю жизнь».

Я не ошибусь, если скажу, что картины Константина Васильева видели все, может просто не запомнили имя автора: «Ожидание», «Встреча», «Северный орел». Говорят, что если понравилась картина, то не надо знакомиться с автором – разочаруешься. Отступим от этого утверждения и познакомимся с личностью необычной, неординарной.

В середине января 1996 года в поселке Васильево, что под Казанью, где художник провел последние 20 лет своей жизни, открылся его дом – музей. Признание, как водится, значительно опоздало. Да и при жизни художник был практически неизвестен. Наверное, у нас не случайно есть поговорка «В России чтобы стать известным надо умереть».

Константин Васильев всегда жил многотрудно и морально и физически. Всегда было мало денег. Порой не хватало на холсты и краски. Было мало истинных друзей, не было истинной подруги. Была любящая мама и любимая сестра. И еще был дар, талант, данный ему свыше и уже по всему этому он был необыкновенно богат.

Корни родословной художника уходят в толщу народной жизни. Отец, Алексей Алексеевич был сыном питерского рабочего, участником 3-х войн. Боец Чапаевской дивизии, в 1919 году он становится членом партии большевиков. Впоследствии – инженер, крупный организатор промышленности. От него Константин унаследовал аналитический ум, собранность и целеустремленность. Единственным богатством семьи была собранная им библиотека. Это был человек энциклопедических знаний. Именно эрудиция Алексея Алексеевича стала той притягательной силой, что укрепила, несмотря на большую разницу в возрасте (почти 20 лет) любовь к нему Клавдии Парменовны – девушке тонкой, выросшей в интеллигентной семье.

Клавдия Парменовна, родилась в Елабуге (родина Шишкина) и девичья фамилия у нее была Шишкина. Она, как и ее брат, погибший позже в Великую Отечественную войну, хорошо рисовала.

Жизнь Клавдии Парменовны и ее первенца Константина, появившегося на свет 3 сентября 1942 года в оккупированном Майкопе не раз держалась на волоске. Угроза гибели нависала во время бомбежек. Стремительному риску они подверглись и после того, как была выслежена и казнена, бывшая в их доме, связная из партизанского отряда, в котором сражался Алексей Алексеевич. В 1949 году семья Кости поселяется в Васильеве, небольшом поселке под Казанью.

Мальчишкой он был непростым: худенький, среднего роста, голубоглазый, с вьющимися светлыми волосами, он, казалось,

всегда был погружен в себя. Очень редко его видели в кругу сверстников. Но никто из ребят не держал на него обиды. Они с уважением признавали, что Костя Васильев – настоящий художник, может срисовать из книжки богатыря или танк – не отличишь.

Рисовать Костя начал рано. Использовал каждый клочок бумаги, даже поля на школьных учебниках. Мальчик к 7-8 годам имел сильно развитую зрительную память. Фотографическую память.

Костины родители, конечно, понимали, что художником стать непросто, что жизнь подлинного мастера трудна мучительным поиском, творческим напряжением. Если даже человек одарен, добился успехов в учебе, и тогда трудно сказать, как все обернется в жизни.

Но, все же заметив одаренность сына, любимой игрушкой которого были цветные карандаши, родители отправили рисунки Кости в Москву, в школу-интернат при Суриковском институте. Туда он позже и был принят. В столице местами его постоянного паломничества стали Третьяковская галерея и Музей изобразительных искусств. Придя первый раз в Третьяковскую галерею, он успел посмотреть только одну картину и, не заметил как прошло более 2-х часов. Спыхватился: ведь его, наверное, ищут в интернате. А он только посмотрел одну картину Васнецова. В Третьяковке его интересовало все: и холст, и подрамник. И когда в выходные или праздничные дни Клавдия Парменовна приезжала навестить сына, она даже не подходила к играющим в мяч ребятишкам, а сразу же шла в здание напротив, в Третьяковку. К. буквально месяцами разглядывал каждую работу великих русских художников, уделяя этому все свое свободное время. Я уже говорила, у него была редкая зрительная память. Как свидетельствуют очевидцы, она позволяла ему спустя много лет безошибочно определять недостатки в цветопередаче на репродукциях с картин старых мастеров.

Учась в Москве, привез написанные им за лето акварели. Они были настолько хороши, что директор школы, преподававший акварель в классе, и лучше всех знавший толк в этом деле, распорядился устроить выставку Костиных работ. Их хватило, чтобы увесить стены всего второго этажа, хотя акварели

были на удивление маленькими – не более листа отрывного календаря.

Творческий путь художника удивителен – он начал с авангардистских исканий, а закончил созданием цикла «Русь былинная» и картинами, посвященными Великой Отечественной войне.

Атмосфера гонки за новизной, оригинальностью, эксцентричностью охватила значительные слои интеллигенции времен так называемой «оттепели» 50-х начала 60-х годов. Художественная молодежь знакомилась с альбомами авангардистов, экспрессионистов, сюрреалистов. Она открывала для себя Сальвадора Дали, Джексона Поллака, Хуано Миро.

Однако, в учебном заведении (Москва) насаждалась живопись социалистического реализма. Имелось ввиду, что мазок нужно класть густой, объемный, можно выдавливать краску из тюбика прямо на холст. Важно, чтобы все звучало ярко, празднично, утверждая мощь, торжество и силу социалистического реализма. Это что касается манеры письма. Ну, а тематика тоже вполне конкретная – пафос стройки, герои труда: сталевары, доярки, шахтеры.

Васильев отказывался писать сталеваров. И не то, что бы он буйствовал, нет. Просто Константин хотел делать, писать только то, что ему близко, что он видел и знал. Писать же просто из послушания или из страха, даже из уважения к преподавателю, то, что он сам не прочувствовал, представлялось ему ложью.

Компромиссов К. не признавал, во всяком случае, в творчестве.

Позиция всегда уравновешенного, дисциплинированного Константина поразила его товарищей и возмутила преподавателей, некоторые из которых предложили вынести обсуждение поведения Васильева, на педсовет и строго наказать. Добрейший директор школы Ашот Григорьевич Сукиасян поначалу смягчил страсти, но лишь до тех пор пока Костя не выступил с демаршем. На занятие по живописи он принес и сдал в качестве домашнего задания натюрморт, на котором акварелью был нарисован желтоватый апельсин, обведенный по контуру синей краской – это было явное подражание гонимому в то время Сарьяну. Причем написано все это было, без каких – либо бликов, без света и тени. Разгорелся скандал! В итоге на школьной доске

вывесили объявление по поводу того, что ученик предвыпускного класса Константин Васильев остановился в своем художественном развитии.

Захваченный поиском новых изобразительных форм, полагая реализм до конца исчерпанным гением классиков мировой живописи Костя в юной запальчивости покидает Москву и переезжает в Казань, где заканчивает художественное училище и всецело отдается творчеству. Была еще одна причина для переезда – тяжело заболел его отец. На семейном совете решили, что сыну нужно быть рядом с отцом, а учебу он может продолжить в Казани.

Студенты училища, признавая одаренность новичка, всячески стремились войти с ним в короткие отношения. А он держался очень замкнуто, молчаливо, словно боялся отвлечься от какой – той внутренней работы. И, если вдруг что-то говорил, то чаще всего колкости, остроты, всегда очень точные. Улыбался редко, как бы вынужденно. Вот почему многие поначалу приняли его за гордеца, решившего жить в своем мире. Но вскоре убедились, что Константин очень застенчив, а некоторая его напускная резкость – лишь способ самозащиты. Стоило ему раскрепоститься, как он тут же преображался в добродушного и

Музыка ресниц. 1963 г.

веселого юношу. Да и его внешность располагала к себе, вызывала доверие. Овальное, по – девичьи нежное лицо с большими серо – голубыми глазами, над которыми нависали светлые кудри волос, хрупкая, стройная фигура. Иногда где-нибудь в музее или в автобусе к нему обращались как к девушке. Костя, по свидетельству друзей, никогда не обижался на это и порой в шутку подыгрывал возникшей ситуации.

Поступив в Казанское художественное училище, Константин окунулся в мир

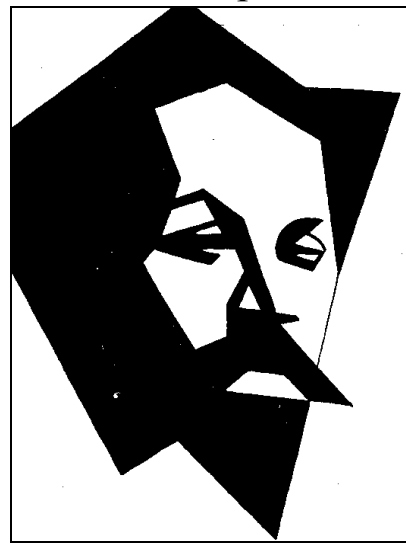
свободного творчества. Диапазон его увлечений, казалось, не имел границ. Несколько лет продолжается период поиска в модернистском направлении. Сохранились работы Васильева выполненные в сюрреалистическом ключе – «Струна», «Апостол», «Атомный взрыв». Он очень увлекался взаимосвязью музыки и цвета, мечтал о единых цветомузыкальных образах. Он обычно так писал свои картины: ставил на проигрыватель нужную пластинку, надевал наушники, чтобы не беспокоить близких и уходил в творческий поиск. Он настолько тонко воспринимал

Р. Вагнер. 1962 г.

П.И.Чайковский. 1962г.

А.Н.Скрябин. 1961 г.

музыку, что преподаватели Казанской консерватории (а у Кости были друзья в этой среде) не хотели верить, что у него нет музыкального образования. Самостоятельно он научился разбираться в нотах, партитурах. По клавирам мог запомнить целую оперу и потом ее идентифицировать. Музыкальные пристрастия отразились в созданной им галерее графических портретов Моцарта, Баха, Шопена, Вагнера. Графические портреты композиторов выполнены а стилизованной им манере – прямыми штрихами. Несколько точных, смелых, одному ему ведомых линий и оживают портреты. И это совсем другой Константин Васильев. Он никогда не останавливался на достигнутом, искал новые формы и способы самовыражения. И этот поиск привел его в тупик. Осенью 1962 года он оставляет живопись. Но пауза эта, по сути, была продолжением поиска.

Через год Константин. снова взялся за кисть. Решительно отвергнув все направления и ветви авангардизма он возвращается

к строгой и реалистической манере и работает с ней всю оставшуюся жизнь, до осени 1976 года.

О своем предыдущем творчестве он говорил друзьям: « Я только сейчас вижу, что все это было лабораторией для моей работы: абстракционизм – для четкой конструкции и противодействия цвета и линии, сюрреализм – для нахождения цветовой гаммы и цветовых оттенков.

Свою тему, исподволь произрастающую в душе, Костя нащупал еще во время учебы в Казанском художественном училище. Его дипломной работой были эскизы к пьесе Островского «Снегурочка». Картина эта, к сожалению не сохранилась.

С картины «Северный орел» начинается новый период в творчестве К.В.

«Северный орёл». 1973 г.

«Нужно вернуться к истокам родного языка и родной поэзии, освобождая былую силу и былой возвышенный дух, который дремлет в памятниках национальной древности» - подводит итоги художник в своих рабочих записях. Интересна история написания этой картины. У Васильева был друг Олег Шорников. Они оба любили лес, нетронутую природу. Все свое свободное время проводили в самых глухих лесных уголках. Вернувшись как-то с одной из таких прогулок Шорников рассказал Константину о своей нечаянной встрече на берегу Волги с большущим орлом. Тот сидел на разломе березы, и надменно презирая возможную опасность, перебирал мощным клювом серые перья на своей

груди. Олег хотел подойти поближе, но неожиданно орел встрепенулся и бросил такой огненный на нежданного гостя, что человек оторопел, смутился.

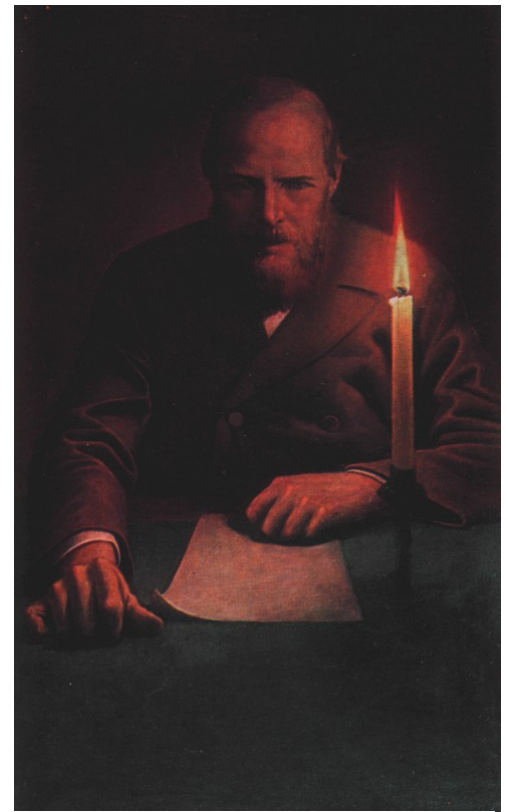
«Ожидание». 1975 г.

«Я сделаю картину и назову ее «Северный орел», - тут же отозвался художник. И товарищи с нетерпением стали ждать его новой работы. И когда в условленное время Васильев снял с полотна покрывало, в комнате воцарилась необычная тишина. Друзья предполагали увидеть какую угодно птицу, но... мужика с топором никак не ожидали. Но между тем зрителей буквально сверлил орлиный взгляд мужественного человека, подлинного властелина тайги, который одухотворял первобытную стихию леса своим трудом, мужеством и волей. Прекрасен на полотнах художника и образ русской женщины – «берегини».

Картина

«Ожидание» - это не только портрет матери художника. Это обобщенный художественный образ женской верности. Неугасима свеча на ее обледенелом окне, мерцающая из ночной мглы, вечно ее ожидание отца, мужа, братьев, хотя многим из них не суждено вернуться. Иллюзию сказки создает и рама картины – доска с сохраненной на ней берестой. Огонь свечи освещает задумчивое прекрасное женское лицо.

Вообще изображение горящей свечи – изумительное достижение живописца. Если взглянуть в это пламя, то можно увидеть тончайшую смену около 20 оттенков желтого, синего, оранжевого и других цветов.

«Портрет Ф.М.Достоевского». 1974 г.

Свеча в картинах Васильева (помимо этой работы – на портрете Достоевского, у «Человека с филином, в «Гадании») – символ горения души человеческой. Однажды он поразил товарищей тем, что нарисовал костер...синей краской. Но – удивительно - на холсте светилось настоящее пламя. Он сумел, благодаря тональной растяжке цвета в глубину достичь нужного зрительного эффекта. И еще был такой случай. Как-то Костя показал товарищу этюд. На нем было передано вечернее состояние старенькой казанской улицы и бегущий по ней трамвай. Окна в трамвайчике светились изнутри, а где-то неподалеку на перекрестке горели красный и зеленый светофоры. Созданный красками световой эффект был настолько поразителен, что казалось будто под холстом вмонтированы электрические лампочки.

Я уже говорила о том, что Константин был очень музыкален. Но, помимо классической музыки, он чрезвычайно любил русские народные песни. Он ставил их в один ряд с музыкой Бетховена, Моцарта, Баха. Ценил он и русских композиторов, в особенности Глинку и Чайковского, но гораздо выше почитал все же народную музыку. Он считал, что эти пласты наши композиторы еще не затронули.

По мотивам русской народной песни «По улице мостовой»

«Нечаянная встреча». 1975 г.

была им написана картина «Нечаянная встреча». Созданная художником картина удивительна. Она как никакая другая

характеризует уже зрелого Васильева. Эта его работа, как и многие другие, воспринимается по мере углубления в нее как бы на трех уровнях. При первой встрече с ней видится что-то красивое и удивительно знакомое, родное. При более глубоком рассмотрении мы видим внутренний мир героев.

Когда-то давным-давно встретились у окна эти двое влюбленных. Необходимое настроение усиливается точно выбранными характеристиками символами. Вилы, зажатые в руке, подкрепляют решительность юноши, а ворот его рубахи, выбившийся из тулупа – это язык пламени, страсти, объяввших душу. И сразу становится ясным, что любовь в этом человеке зажжена не простой внешней красотой девушки, действующей мгновенно и за первым приливом которой все проходит, но теми чувствами и словами что мы слышим в печальных песнях нашего народа. И все же главный герой на этой картине не он, а девушка.

Васильев не любил экзальтированных людей. Он ценил в человеке спокойное, твердое состояние духа и поэтому считал неприличным выражать чувства и устремления своих героев, искажая для этого их лица мимикой. Поэтому только одному ему ведомым способом удастся передать всю глубину внутреннего мира героев, оставляя при этом холодными на первый взгляд их лики. Именно так выписал он девушку в этой картине. Поэтому за внешне холодным лицом можно видеть борьбу обуявших ее

страстей – неодолимой тяге, любви к этому красивому юноше, и какого-то давящего над ней долга. В древности на Руси девушка была верна традициям семьи, рода и не могла поступиться ими. Женщину как наиболее стойкую хранительницу традиций общества и показал художник. Но вместе с тем это не просто парень с девушкой, а каких то два бесконечных начала, две противоборствующие и в тоже время дополняющие, стремящиеся друг к другу стихии.

Выше я уже говорила, что картина была написана по мотивам песни «По улице мостовой». Песня сама по себе

«Рождение Дуная».
1975-1976 гг.

веселая, но как и все русские народные песни она имеет второй план, второй голос, голос каких – то невысказанных страданий, предчувствуемой жертвы.

Кроме разработки эпического наследия русской мифологии Константин Васильев много работал в области мифологических сюжетов других народов. Он разрабатывал целые пласты скандинавского, немецкого, ирландского эпоса, прекрасно знал мифологию Древней Греции, Рима, библейские сказания, индийскую эпическую поэзию и задумывал большие циклы, но успел создать только серию работ по мотивам древнесеверных сказаний. находка его как художника в этом цикле – свинцово-серебристый цвет, который неизменно привлекает зрителя.

Большая серия картин посвящена Великой Отечественной войне. Военные сюжеты решаются в совершенно иной тональности и колорите, чем сказовые мотивы. Черно-белый холст картины «Нашествие» воспринимается как кадр документальной хроники». Тревожно, сурово небо и на другой картине, посвященной войне, но в отличии от давящих туч «Нашествия», грозные облака в «Прощании славянки»

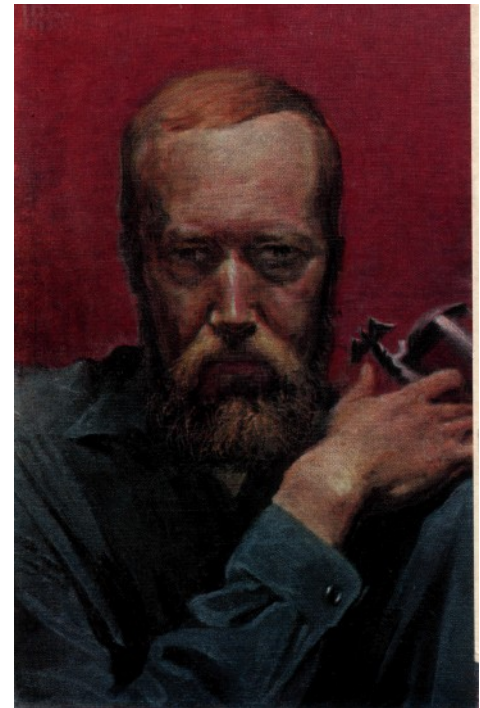
«Прощание славянки». 1975 г.

расступаются, образуя просвет, который как бы сопровождает советских солдат, идущих на бой с захватчиками. Картина пронизана болью разлуки, но вера, живущая в глазах провожающей солдат русской женщины, рождает надежду. Картина написана так же по мотивам русского военного марша

«Прощание славянки»- написана на очень большом холсте (длина 2 метра). Для всегда ограниченного в средствах Константина, такая непозволительная роскошь была редким исключением. Еще одна наиболее значительная картина о Великой Отечественной войне – это картина «Парад 41».

Неосуществленными остались замыслы создания галереи образы полководцев Великой Отечественной войны (Жуков), масштабного полотна «Битва», посвященного сражению на Курской дуге, серии портретов «Великие женщины России». Все свои полотна Васильев планировал показывать с соответствующим музыкальным сопровождением.

Художник работал на грани самосожжения. На последнем автопортрете перед нами лицо человека много старше своих 33 лет. В силу постоянной растущей жесточайшей требовательности к себе, многие картины художник уничтожил. Не понравился ему, к сожалению, и первоначальный вариант картины «Прощание славянки». Он хотел написать новый и с этой целью положил картину на отмочку, чтобы освободить холст от краски. Поэтому извлеченный из воды уже после гибели Васильева, холст значительно пострадал. Константин постоянно искал соответствующую своим идеям живописную форму. И нашел. Он устраняется от слепой природы и смело моделирует человеческие типы. Позволяет, например, в картине «У чужого окна» необычным образом развернуть плечи девушки. Сконструировать мощные складки на ее платке, дать необычный поворот головы. Ни одна живая модель не смогла бы повторить подобную конструкцию художника. Но ему это требуется, чтобы выразить мысль, наполнить содержанием образ. Поэтому специальных натурщиков он не привлекал, но постоянно наблюдал жизнь. Часто друзья замечали, что во время даже очень интересного разговора художник то и дело приглядывается к рукам, жестам или лицу человека, каким то особенным

«Автопортрет». 1976 г.

изучающим взглядом. А бывало вдруг не с того не с сего, просил собеседника не менять позу и начинал рисовать его портрет. И все же основная часть его картин с изображением людей сделана не с натуры.

К. очень увлекался пейзажными зарисовками. Конечно, как художник профессионал, он в течении всей своей жизни писал пейзажи. Но со временем он потребовал от себя качественно нового подхода к этому жанру. Его уже не могли устроить холодные отпечатки пусть даже самых красивых и таинственных уголков природы. Он искал что-то духовное, высматривал не

«Осень». 1973 г.

просто пейзаж живописный сам по себе, а непременно какую-то мысль, идею. Уже к концу своей трагически оборвавшейся жизни создает удивительные одухотворенные пейзажи «Осень», и «Лесная готика».

Константин очень любил осень, щедрую многообразием красок, и, собрав лучшие ее черты, приметы, написал обобщенный образ этого времени года. Его «Осень» как бы извиняется перед зрителями за остывающее лето буйством красок, необычной тишиной и торжественностью леса, который хотя и лишился птичьих песен, но не опустел: он дышит, несет в себе мощный заряд, накопленный за лето энергии и щедро посылает их всему живому. В пейзаже нигде нет чистых цветов: везде переходы, оттенки. И словно сама гармония торжествует на полотне.

В училище, в Казани ежедневно 8 часов занятий, без перерыва на обед. А к 5-6 вечера студенты вновь собирались в тесных, уютных комнатах училища на так называемые вечера набросков. Рисовать хотелось просто из любви к искусству: такой был возраст. Работали так, словно боялись куда-то опоздать, пока часов в 11 их не выгонял сторож.

Васильев после напряженного учебного дня всегда спешил домой: больше часа добирался в поселок электричкой, а там еще 4 километра шагал от станции пешком. Такой же долгий путь проделывал по утрам, вставал в 5 часов, чтобы не опоздать на занятия. Дорога утомляла К., но он никогда не жаловался.

В семье их было 3-е детей: 2 сестры и он. Сестра Людмила (портрет которой он нарисовал в 1968 году), умерла в 16 лет, следом как я уже говорила ушел из жизни его отец. Что касается портрета сестры. Дело в том, что умерла она в 16 лет, а на полотне она выглядит так, как могла бы выглядеть 25-летней. Это говорит о том, что образ любимой сестры не оставлял В., там, в глубине его внутреннего существа девушка жила по-прежнему, и продолжала взрослеть вместе с братом-художником. Валентина, 2-ая сестра, вышла замуж и уехала в Коломну. Остались они вдвоем с матерью. Это был очень тяжелый период в жизни Кости: его не принимали на работу по специальности, не было денег. Он устроился оформителем на лесокомбинат. Рисовал графики, лозунги. Вся зарплата и пенсия матери уходили на холсты. Иногда не имея в запасе чистого холста, Константин брал уже готовую работу, и прямо по живописи делал новую запись. Клавдия Парменовна, заметив однажды, как он по изображенным на картине фигурам выписывает другой сюжет в совершенно ином цветовом решении, удивилась:

- Костя, разве тебе не мешают старые краски?
- Нет, мама, нисколько.

Грошей не хватало даже на рамы. Он собирал в лесу березовые чурочки, распиливал их, получалось необычное оформление для картин.

Но несправедливо, конечно утверждать, будто жизнь Кости была лишена неизбежных человеческих радостей. Однажды (ему тогда было 17 лет) его сестра Валентина, вернувшись из школы, рассказала, что к ним в 8 класс пришла новенькая – красивая

«Портрет сестры Людмилы». 1968 г.

девчонка с зелеными раскосыми глазами и длинными, до плеч, волосами. Приехала она жить в курортный поселок из-за больного брата. Константин предложил привести ее для позирования.

Когда 14 – летняя Людмила Чугунова вошла в дом, Костя неожиданно растерялся, засуетился, начал переставлять мольберт с места на место. Первый сеанс длился долго. Вечером Костя пошел провожать Люду домой. Ватага ребят, попавшихся им навстречу, жестоко избила его: сразу и безоговорочно Люда была признана самой красивой девочкой поселка. Но разве побои могли охладить пылкое сердце художника. Он полюбил девушку. Каждый день писал ее портреты. Людмила пересказывала ему свои романтические сны, и он делал к ним цветные иллюстрации. Они оба не любили желтый цвет (может быть просто юношеская неприязнь к символу измены?), и, однажды, нарисовав голубые подсолнухи, Костя спросил: «Ты понимаешь, что я написал? Если нет, лучше молчи, ничего не говори...»

Константин приобщал Люду к музыке, литературе. Казалось, они понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда. Как - то раз Людмила зашла к Константину с подружкой. Он в это время вместе со своим другом Толей Кузнецовым сидел в полумраке, увлеченно слушал классическую музыку и, на вошедших никак не отреагировал. Для подружки Люды такое внимание показалось оскорбительным, и она утащила Люду за руку.

После этого девушка долго боялась встреч, чувствуя, что обидела Костю. Все существо ее тянулось к нему, и, когда ей совсем становилось невмочь, она подходила к его дому и часами сидела на крыльце. Но дружеские отношения прервались.

Прошло несколько лет. Как-то на электричке Константин возвращался из Казани вместе с Анатолием. Встретив в вагоне Людмилу, он подошел к ней и пригласил: «У меня в Зеленодольске открылась выставка. Приходи. Там есть и твой портрет». Звонкая, радостная надежда пробудилась в ее душе. Конечно же, она придет! Но дома мать категорически запретила: «Не поедешь! Чего мотаться куда – то, у тебя и без того полно его рисунков и портретов». Выставка закрылась, и неожиданно Костя сам пришел к ней в дом. Собрав все свои рисунки, на глазах у Людмилы порвал их и молча ушел. Навсегда...

Теплые отношения связывали одно время Константина с Леной Асеевой, выпускницей Казанской консерватории. Портрет Лены маслом с успехом демонстрируется на всех посмертных выставках художника. Елена успешно закончила учебное заведение по классу фортепиано и, естественно прекрасно разбиралась в музыке. Это обстоятельство особенно влекло Костю к девушке. Однажды он решился и сделал ей предложение. Девушка ответила, что должна подумать... Ну, кто из нас, простых смертных, может вообразить себе, какие страсти закипают и бесследно исчезают в душе большого художника, какие ничтожные порой обстоятельства могут в корне изменить накал его эмоций? Конечно же, он не знал, с каким ответом шла к нему на следующий день Лена, да, видимо его уже это не интересовало, поскольку желаемого ответа он сразу не получил. Многие скажут, что это не серьезно и что так важные вопросы не решают. И будут, конечно, правы. Но давайте помнить, что художники, как правило, люди легко ранимые и гордые. К несчастью, неудача, постигшая Константина в этом сватовстве, сыграла еще одну роковую роль в его судьбе.

Зрелым уже человеком, в возрасте около 30 лет, он полюбил Лену Коваленко, также получившую музыкальное образование. Умная, тонкая, обворожительная девушка, Лена растрожила сердце Константина. В нем вновь, как в юности проснулось сильное настоящее чувство, но боязнь получить отказ, встретить непонимание так и не позволила устроить ему свое счастье... Но, в том, что единственной его избранницей до последних дней жизни оставалась живопись можно усматривать особое предназначение художника.

Есть в этом, несомненно, и объективные причины. Одна из них – беззаветная материнская любовь Клавдии Парменовны, боявшейся выпускать сына из родного гнезда. Порой слишком придирчиво, критическим оком могла она взглянуть на невесту и высказать потом сыну свое мнение. На что Константин реагировал очень чувствительно.

Последняя работа художника «Человек с филином». Над заиндевелым лесом, уходящим к мглистому горизонту, возвышается человек в крестьянской одежде северян. В левой, поднятой над головой руке он держит плеть, на рукавице сидит филин – птица, издревле символизирующая всеведение и

мудрость. В правой руке старца – светоч, который освещает его суровое лицо с зоркими глазами, их взгляд устремлен куда – то вдаль. В этом пронизывающем взоре можно прочесть скорбь, но нет в нем не тени страха или бессилия. «Я теперь понял, что надо писать и как надо писать », - сказал Константин матери, закончив это полотно в октябре 1976 года.

В это время в городе Зеленодольске была организована объединенная выставка нескольких художников. В. представил туда 3 работы, в т.ч. и «Ожидание». Они имели успех. Вечером должно было состояться обсуждение. Костя в этот вечер, собираясь на встречу приводил в порядок свой парадный коричневый костюм. Когда все было готово, Константин направился к выходу, к нему неожиданно зашел казанский знакомый Аркадий Попов. Узнав, что Васильев едет на выставку, захотел присоединиться к нему. Уходя, бросил Клавдии Парменовне: «Я долго не задержусь – после обсуждения сразу домой».

Только через 3 дня матери сообщили о гибели. В этот вечер на железнодорожном переезде обоих друзей сбил проходящий поезд. Как вспоминала подруга матери Константина, незадолго до происшествия мы сидели за столом и Костя оборонил: «Мне цыганка нагадала, что я умру в 33 года». Так и произошло. Похоронили его в березовой роще, недалеко от Волги, в том самом лесу, где он любил бывать.

Сейчас уже можно говорить не об успехе одной или нескольких выставок художника, но и о пришедшем к нему всенародном признании. Между тем посмертная судьба художника и его картин складывалась и продолжает складываться непросто. Он был в плену у времени. А оно, к сожалению, не было к нему благосклонно. Васильев как бы не вписывался в обойму воспеваемых или хотя бы отмеченных критиками живописцев. Его не ждали, он был никому не нужен, провинциальный, заштатный. Одни искусствоведы его просто не замечали, другие

«Человек с филином». 1976 г.

считали его работы декоративно – лубочными, на грани самодеятельности. Между тем это гений. Он никогда не был просто художником – фотографом. Ему был дар сочинять, стоя в мастерской один на один с холстом.

Очень мало о нем литературы. Меж тем творческое наследие Васильева внушительное – это около 400 живописных и графических работ, эскизов. Он не был членом Союза художников. Лишь однажды, в 1974 году Константин привозил свои картины в Москву, но выставку организовать так и не удалось. И сейчас его работы нельзя увидеть в крупнейших выставочных залах.

При его жизни во многих поселковых домах висели его картины. Так, знаменитое ныне, а тогда даже не обрамленное «Рождение Дуная» в доме сестры художника использовалось сугубо функционально – им прикрывали самую шероховатую из стен. Васильев вообще легко расставался с работами, даря их друзьям и раздавая все подряд. Цена при этом назначалась так: художник линейкой измерял холст по диагонали – сколько сантиметров, столько и рублей.

И только после смерти удалось организовать выставку художника в Москве. Успех был ошеломляющим. Не могло быть и речи о возвращении картин назад, в Казань. Посыпались предложения от различных выставочных залов Москвы и Подмосковья. Постоянно география выставок расширялась: Тула, Воронеж, Сочи, Краснодар, Рига, Челябинск, Тольятти. Побывали полотна живописца и за рубежом – в Испании, Болгарии, Югославии. Везде неизменный успех картин, восхищение зрителей, и повсюду просьба – сохранить картины, открыть музей Константина Васильева. Во имя этого и трудились почитатели таланта живописца, ободренные энергией его полотен. Средства, собранные ими на выставках, легли в основу строительства музея в Москве. Музей творчества художника по праву считают народным, ибо по копеечке, по слезиночке желание тысяч людей сберечь картины, преобразилось в прекрасную картинную галерею.